

Стремление украсть сидит в каждом, только у большинства не хватает храбрости начать.

Лаки Люгиано

Этот мир принадлежит мужчине, и так оно и должно быть.

Винсент Тереса

У того, кто к нам входит, уже нет возможности выйти.

Аль Капоне

Среда, 13 июля 1977 года,
Нью-Йорк

Коста Дзеннокотти не отрывал глаз от сидевшей напротив его украшенного резьбой письменного стола девушки. Говорила она очень быстро, помогая себе энергичными жестами и выразительной мимикой. Господи! В эти мгновения он ненавидел себя из-за назойливо лезущих в голову мыслей, но поделать ничего не мог — перед ним была самая соблазнительная женщина из всех, что ему приходилось когда-либо видеть...

— Коста! — вдруг с ходу остановившись, резко произнесла девушка. — Ты меня слушаешь?

— Конечно, Лаки, — тут же отозвался он, чуть смутившись: своим видом его собеседница походила больше на хрупкую, худенькую школьницу. Сколько ей сейчас — двадцать семь? Двадцать восемь? Но какой ум, какая пронизательность — похоже, она знала, о чем именно он подумал.

Лаки Сантанджело. Дочь его лучшего друга Джино.

Ведьма. Ребенок. Эмансипе. Искусительница. Коста знал о ней все.

— Так что ты и сам понимаешь, — порывшись в своей сумке от Гуччи, она извлекла пачку сигарет, — никоим образом отец не может вернуться сюда в настоящее время. Никоим образом. И ты должен остановить его.

Коста пожал плечами. Иногда она казалась такой несмышленной. Неужели Лаки всерьез считает, что кому-то удастся убедить Джино не делать того, на что в данный момент направлены все

его помыслы? Ей, его дочери, лучше, чем кому бы то ни было, известно, что это просто нереально. В конце концов, ведь они же слеплены из одного теста, Джино и Лаки, они похожи друг на друга настолько, насколько для двух человек это вообще возможно. Даже внешне она чуть ли не копия отца. То же энергичное, полное страсти лицо с оливковой от загара кожей, те же глубоко посаженные черные глаза, те же чувственные губы. Только другая форма носа: хищный, выдающийся у Джино и нежный, спокойных очертаний, более подходящий женщине, у Лаки. Густые, черные, волнистые волосы. Лаки отпустила их до плеч. Прическа Джино, конечно, короче, но и он в свои семьдесят с лишним лет не потерял еще ни единого волоса.

С сожалением Коста провел ладонью по своей голове — обширное, безудержное продолжение лба делало бессмысленными все попытки прикрыть оставшимися прядями печальную пустыню. А ведь ему всего шестьдесят восемь. Хотя, с другой стороны, чего еще можно ожидать в этом возрасте?

— Ты скажешь ему? — требовательно спросила она. — Ну? Ну так как?

Коста подумал, что сейчас лучше не говорить о том, что в этот самый момент самолет, в котором сидит Джино, уже идет на посадку. Колеса его вот-вот коснутся бетонного поля аэропорта, и Джино будет здесь. Лаки придется смириться с тем, что ее отец опять одержал верх.

Черт возьми! Похоже, что все дерьмо выплеснут на невинных зрителей, а он, Коста, сидит в первом ряду.

Тремя этажами выше, расположившись в тихом офисе своего друга Джерри Майерсона, Стивен Беркли с головой ушел в работу. Между ними существовала договоренность: если Стиву потребуется полное уединение, то по окончании рабочего дня он может прийти сюда, в этот кабинет. Услуга значительная: никаких телефонных звонков, никаких назойливых посетителей. Кабинет самого Беркли представлял собой палату сумасшедшего дома в любое время дня или ночи. А дома ему не давал покоя телефон.

Он потянулся, бросил взгляд на часы и, увидев, что уже поч-

ти половина десятого, негромко выругался. Время пролетело слишком быстро. В голове мелькнула мысль об Айлин — может, стоит позвонить ей? В театр они из-за него уже опоздали, однако в Айлин ему нравилось именно то, что ее невозможно заставить врасплох, она ко всему относилась спокойно — будь то сорвавшийся поход в театр или внезапно расстроившаяся помолвка. Три недели назад он предложил ей пожениться, и Айлин ответила согласием. Стива это ничуть не удивило: от Айлин можно ожидать чего угодно, а после того как он развелся с Зизи, своей бывшей женой, его уже ничто не в состоянии поразить.

Стивену Беркли было тридцать восемь лет, ему очень не хватало спокойной, устоявшейся семейной жизни. Обрести ее он надеялся в обществе тридцатитрехлетней Айлин.

Стивен являл собой образец преуспевающего адвоката. К процветанию его подняла волна моды на чернокожих, пришедшаяся как раз на то время, когда выпускник юридического колледжа, за четыре года учебы получивший прекрасное образование, с энтузиазмом размышлял о будущей карьере. С его знаниями, умом, манерами он без особых усилий достигнет того, к чему стремится.

Этому способствовала и на редкость привлекательная внешность: атлетическая фигура шести с лишним футов¹ ростом, открытый, прямой взгляд зеленоватых глаз, мягкие, вьющиеся черные волосы и кожа цвета молочного шоколада. Более всего людей обезоруживало то, что Стивен не отдавал себе никакого отчета в том, насколько он красив. Это сбивало людей с толку. Предполагая в нем заносчивость, они обнаруживали вдруг радушную вежливость, готовя себя к встрече с высокомерным честолюбцем, открывали в Стивене человека, охваченного искренним желанием помочь.

Он методично разложил бумаги, с которыми работал, по отделениям своего потертого кожаного чемоданчика. Затем обвел взглядом кабинет, выключил настольную лампу и направился к двери. Сейчас он занимался одним расследованием, дело уже близилось к концу. Стивен испытывал приятную усталость, вызванную напряженной работой — его излюбленным времяпрепровождением. Даже секс по остроте ощущений отступал на второй план. И вовсе не потому, что Стивен не умел получать от не-

¹ 1 фут = 12 дюймам = 30,48 см. — *Здесь и далее прим. перев.*

го наслаждение, нет, заняться любовью с хорошей партнершей — это здорово, но вот с Зизи постель представлялась ему такой скукой. «Ну давай же! Давай! Давай!» Маленькой рыжеволосой Зизи мужчина требовался круглые сутки — то есть и тогда, когда Стивена рядом не было... Ну да ладно, в конце концов она нашла для себя способ проводить время. А ему нужно было прислушаться к совету матери и ни в коем случае не жениться на Зизи. Но кто, скажите, станет слушать родителей, когда эта штука раскалена так, что жжет ноги?

С Айлин все получилось совсем по-другому. От нее исходило некое старомодное очарование; мать сразу же и безоговорочно одобрила его выбор.

— Женись на ней, — сказала она тогда.

Именно это Стивен и намеревался сделать.

Стоя на пороге, он еще раз окинул взором кабинет, захлопнул дверь и пошел к лифтам.

Дарио Сантанджело изо всех сил кусал губы, чтобы сдержать готовый вырваться крик. Лежавший поверх него худощавый темноволосый молодой человек размеренно работал бедрами. Вспышка боли. Наслаждение. Опять изысканная боль. Почти невыносимое наслаждение. Ну еще... Нет, еще нет... Он не мог больше сдерживать себя, застонал, вскрикнул, тело его сотрясало в оргазме.

Темноволосый тут же извлек свой по-прежнему напряженный член. Дарио перевернулся на бок и глубоко вздохнул. Его партнер поднялся с постели и стоял рядом, не сводя с Дарио глаз.

Тут Дарио вспомнил, что даже не знает его имени. Ну так что? Одним безымянным юношей больше. Ни разу еще ему не приходила в голову мысль встретиться с кем-то из них вторично. «Пошли они... Трахать я их хотел». Он тихо засмеялся. Ведь именно так называются их игры, разве нет?

Не произнося ни слова, парень стоял и смотрел, как Дарио поднимается и неторопливым шагом идет в ванную. «А пусть глазееет, пусть смотрит, он меня больше никогда не увидит».

Закрыв за собой дверь ванной комнаты, Дарио склонился над биде, пуская теплую воду. Подмываться он любил немедленно.

Пока он лежал там, в комнате, это было блаженством, но после того как... нет, об этом лучше не вспоминать, по крайней мере до следующего очаровательного темноволосого юноши.

Он уселся на биде, намыливая себя, растирая крепкими руками тело, а затем плавным нажатием ручки делая бьющую снизу воду все более холодной. Ледяные струйки бодрящими иголками впивались в мошонку и пенис. Слишком уж жаркий сегодня день. Такая духота, такая влажность.

Дарио надеялся, что парень скоро уйдет. «Может, провожая его до двери, следует дать ему немного денег?» Обычно в таких случаях хватало двадцати долларов.

Он накинул на себя махровый халат, посмотрелся в зеркало. Никто не дал бы ему его двадцати шести. От силы девятнадцать: стройный, высокий, с голубыми тевтонскими глазами, прямыми белокурыми волосами, Дарио очень походил на свою мать; в его облике не было ничего общего с отцом, Джино, или с этой сучкой Лаки — его родной сестрой.

Он открыл дверь и вновь прошел в спальню. Темноволосый уже натянул на себя свои грязные джинсы и майку и стоял, глядя в окно.

Из тоненькой пачки банкнот, лежавших в тумбочке, Дарио извлек две десятидолларовые бумажки. Он никогда не держал в квартире больших сумм денег, чтобы не вводить в искушение своих случайных знакомых, которых он приводил сюда с улицы. Негромко кашлянул, давая стоящему у окна понять, что тот в комнате не один. «Поворачивайся, забирай свои деньги и иди», — мысленно приказал он.

Его гость медленно развернулся. Судя по вздувшимся джинсам, член парня так и не обрел еще успокоения.

Дарио вытянул вперед руку с деньгами.

— На дорогу, — доброжелательно произнес он.

— В рот тебя, — уничтожающе ответил тот, подбрасывая на ладони связку ключей.

Дарио почувствовал страх. Он всегда старался держаться в стороне от возможных неприятностей или какого-либо насилия. Сейчас, похоже, неприятностей не избежать; это тревожное ощущение он испытал еще на улице, когда парень сам, без всякого приглашения, подошел к нему. Обычно в таких случаях Дарио брал всю инициативу на себя. Голубоглазый блондин, внешне он ничуть не походил на гомика, скорее наоборот: и манера одевать-

ся, и походка — все выдавало в нем настоящего мужчину. Он был сверхосторожен. Еще бы — имея такого отца, нельзя позволить себе ни одной фальшивой ноты.

Он медленно, шаг за шагом, попятился к двери. В гостиной в ящике стола лежал на всякий случай его страхового полис: маленький курносый револьвер 25-го калибра. Отличное средство выбить дурь из какого-нибудь дерьма.

Юноша рассмеялся.

— Ты куда это? — произнес он немного в нос.

Дарио был уже у самой двери.

— Можешь забыть о нем. Я подумал и об этом, а ключи — вот они, это твои ключи, приятель. Понял? Твои ключи. Тебе ведь понятно, что это значит, а? Это значит, что мы с тобой заперты в этой самой квартире. В такой же недоступности, как и задница президента Картера. Я готов поклясться, что задница у него крепкая — вроде твоей, приятель.

Неторопливым движением парень опустил руку в карман джинсов и вытащил нож, предназначенный только для одного — убивать. Десять дюймов сверкающей стали.

— Тебе же так хотелось, чтобы тебя трахнули. — В голосе звучала нескрываемая насмешка. — Вот ты и дождался. Сейчас этот щекотун оттрахает тебя так, что ты и в спешке этого не забудешь.

Дарио неподвижно замер у двери. Мозг его лихорадочно работал. Кого он привел к себе? Что этому типу нужно? Чем его можно купить?

И, в конце концов, уж не Лаки ли подслала его? Неужели эта сука решила отделаться от него раз и навсегда?

Для женщины, которой уже за шестьдесят, Кэрри Беркли выглядела потрясающе; две ежедневные партии в теннис не позволяли ее фигуре утратить стройность. Туго стянутые на затылке черные волосы с блестящими в них двумя бриллиантовыми шпильками подчеркивали и без того выразительные черты ее лица: высокие скулы, чуть раскосые глаза, тяжелые, полные губы. Кэрри никогда не была красавицей — даже в молодости выглядела всего лишь очень сексуальной, — но теперь, с собранными в

пучок волосами, с едва заметной косметикой, в элегантном костюме, она представляла собой весьма привлекательную даму. Почтенную. Состоятельную. С безукоризненными манерами. Чернокожая леди, сама проложившая себе путь наверх в мире этих белых.

Она сидела за рулем темно-зеленого «Кадилака», медленно продвигавшегося вдоль бровки в поисках свободного местечка. Губы сжаты в тонкую злую линию — она и в самом деле сейчас зла. Прошло уже столько лет, в течение которых никому не удавалось проникнуть в ее тайну, как вдруг в телефонной трубке раздается чей-то не поддающийся определению голос — и вот она уже гонит машину по ночным нью-йоркским улицам в сторону Гарлема, на встречу с прошлым, что казалось ей таким далеким.

Игра, в которой ее вынудили принять участие, называлась «шантаж». Обычный, примитивный шантаж.

Кэрри остановилась на красный свет, прикрыла глаза. В голове мелькнула мысль о сыне Стивене — таком удачливом, таком уважаемом. Боже, если когда-нибудь ему станет известна правда... Об этом не хотелось даже думать.

В глаза ударил отраженный зеркалом свет фар стоявшего позади автомобиля. Она тронула машину с места. На сиденье справа лежала сумочка — чтобы приободрить себя, Кэрри коснулась ее рукой. Эту изящную вещицу подарил ей на Рождество Стив, у него был безошибочный вкус. Единственный промах, который он совершил за всю свою жизнь, — это Зизи, шлюха, бывшая одно время его женой. Но теперь их уже ничто не связывает, ей уже не вернуться. Деньги... Какую упоительную власть заключают они в себе.

Кэрри со вздохом запустила руку в сумочку. В ладонь уперся холодный ствол небольшого пистолета. Еще чуть больше власти. Блеск оружия — весьма серьезный аргумент.

Она надеялась, что вовсе не обязательно нужно будет прибегать к нему. Разум подсказывал ей обратное. Она еще раз вздохнула...

Джино Сантанджело чувствовал усталость. Полет оказался долгим, а последние десять минут просто выматывающими. Застегнув ремни и погасив сигару, он сидел и больше всего на свете

хотел обеими ногами упереться в надежную твердую землю доброй старой Америки. Слишком уж долго он отсутствовал. Как все-таки это приятно — возвращаться домой.

Ослепительно улыбаясь, мимо пропорхнула стюардесса.

— Все в порядке, мистер Сантанджело?

Каждые десять минут он был вынужден выслушивать ее: «Все в порядке? Может, принести вам что-нибудь выпить, мистер Сантанджело? Подушку? Одеяло, мистер Сантанджело? Журнал? Перекусить, мистер Сантанджело?» К президенту, наверное, не относились с большей заботой.

— Все отлично, — ответил ей Джино.

«Симпатичная, но шлюшонка», — решил про себя он. Глаз у него наметанный.

— Тем лучше, — она хихикнула, — скоро мы уже будем на месте.

Да, скоро они уже будут на месте. В Нью-Йорке. Его городе. На его территории. У него дома. В Израиле было неплохо. Беззаботный отдых. Но уж лучше бы он провел эти семь лет в Италии.

Он сверился с часами, массивными, из золота, усыпанными бриллиантами, — подарком, преподнесенным ему лет десять назад известной кинозвездой. Вдохнул. Да, скоро он будет дома... Скоро опять придется заняться Лаки и Дарио. Как отца его немного тревожило то, что сейчас он совершенно не знает, чем живут его дети.

— Принести вам что-нибудь, мистер Сантанджело? — раздался над ним голосок уже другой стюардессы.

Он отрицательно покачал головой.

Скоро... Скоро...

Выйдя из кабинета Косты, Лаки остановилась в коридоре у двери дамской комнаты, толкнула ее. В висевшем на стене зеркале принялась изучать свое лицо и осталась им недовольна. Выглядела она изможденной и уставшей, под глазами — черные круги. Уехать бы куда-нибудь, поваляться на солнце — вот что ей сейчас больше всего нужно. Но ничего этого не будет, пока здесь все не уладится.

Она достала косметичку. Не помешает привести себя в порядок. Чуть-чуть румян, помады, так, осталось наложить тени.

Тряхнув головой, рассыпала по плечам волосы, затем уложила их по-новому.

На ней были джинсы, голубая шелковая блузка, почти полностью расстегнутая. Под тонкой тканью явственно виднелись ее груди. Из сумочки Лаки достала несколько золотых цепочек, нацепила их на шею; запястья украсились широкими золотыми браслетами, в мочках ушей засверкали два гнутых из золотой проволоки кольца.

Теперь она чувствовала себя готовой отправиться в город. Менее всего хотелось ей сейчас возвращаться домой, в пустую квартиру.

Из дамской комнаты она проследовала прямо к лифтам, нажала кнопку. Лицо выражало живейшее нетерпение. Каблучком своего двухсотдолларового парусинового сапожка она отбивала нервный ритм. Коста старел. И кому же, черт побери, он, в конце концов, больше предан? Уж конечно, не ей — как бы он ни уверял ее в этом. Она сама сваяла дурака, не разобравшись во всем этом раньше.

Бросила взгляд на часы — творение Картье. Половина десятого. Угробить два часа на болтовню с маразматиком!

— Кусок дерьма, — сорвалось с ее губ, Лаки оглянулась по сторонам — не услышал ли ее кто. Ее никто не услышал: было слишком поздно. Огромное здание стояло абсолютно пустое.

Наконец двери лифта перед ней распахнулись, она вошла. В голове шла напряженная работа. А что, если Дорогой Папочка уже действительно на подлете? Сможет ли она с ним обо всем договориться? Готов ли он будет выслушать ее? Возможно... Все-таки она ведь тоже Сантанджело, мало того, из двух потомков Джино мужчиной является именно она. Ей столько удалось достичь за эти семь лет. А трудностей было немало. Правда, ей здорово помогал Коста. Но вот останется ли он на ее стороне теперь, после возвращения Джино?

Лицо Лаки стало совсем мрачным. Проклятие. Джино. Ее отец. Единственный в мире человек, который указывал ей, что она должна делать, и которому это сходило с рук. Но она давно уже перестала быть маленькой девочкой, и теперь Джино придется примириться с тем фактом, что больше он ей не босс. Не господин. Не повелитель. Она не собирается делиться с ним ничем. Ощущение власти возбуждает ее больше, чем чей-то конец. Заправляет всем она. И будет продолжать это делать. Ему остается лишь принять это к сведению.

Когда Лаки вошла в лифт, Стивен Беркли даже не оторвал глаз от газеты. Случайно встретиться с кем-нибудь взглядом всегда бывает ошибкой, за этим неизбежно следовали пустые фразы типа «что-то сегодня жарко» или «а неплохая стоит погода». Беседы в лифте — пустая трата времени. Лаки тоже не обратила на него ни малейшего внимания, будучи слишком занята своими собственными проблемами. Стив продолжал читать газету, Лаки размышляла о своем. От внезапной остановки лифта между этажами у обоих неприятно засосало под ложечкой. Свет в кабине погас, оставив мужчину и женщину в кромешной темноте.

Дарио и темноволосый двинулись с места одновременно. Однако Дарио оказался проворнее: выскользнув из спальни, он хлопнул дверь прямо перед носом своего противника. К счастью, в замке торчал ключ — Дарио без колебаний повернул его. Теперь он запер парня в спальне. Но тот запер его в квартире. В этот момент Дарио проклинал свою сверхнадежную охранную систему. Ведь она предназначалась для того, чтобы не дать постороннему проникнуть внутрь. Ему и в голову никогда не приходило, что кто-то умудрится, как в клетке, запереть его в собственной квартире. Черт побери, они оба очутились в ловушке. Что же делать? Звонить в полицию? Смешно и подумать. Они вынуждены будут взломать дверь, и тогда — что? Унижать себя признанием, что в его спальне заперт с ножом в руках шизанутый парень, хуже того — его любовник, у которого он не удосужился спросить даже имени? Всем станет известно, что он гей, и, о господи, если об этом услышит отец...

Нет, в полицию Дарио звонить не собирался.

Безусловно, Лаки знала бы, как следует поступить в подобной ситуации. Она знала, как нужно действовать в любом положении. Но разве может он позвонить ей, принимая во внимание то, что, возможно, именно она подслала к нему этого типа? Долбаная Лаки. Всегда выдержанная. Спокойная. Уверенная в себе. Да у нее яиц больше, чем у роты солдат. *Долбаная* Лаки.

Бешеный удар в дверь спальни заставил Дарио перейти к не-

медленным действиям. Бросившись к столу, он с ужасом уверился в том, что пистолет действительно пропал. Значит, у этой твари был не только нож, в его распоряжении находился его пистолет, и в любой момент мог последовать выстрел, который разнесет к чертям замок.

От страха Дарио вздрогнул. В это самое мгновение свет погас и вся квартира погрузилась во мрак. Попавший в западню Дарио в крошечной тьме остался один на один со смертельно опасным маньяком.

Кэрри Беркли поняла, что заблудилась. Улицы Гарлема, когда-то такие знакомые, казались теперь враждебными и неотличимыми друг от друга. Сидя в уютной кабине автомобиля, где едва слышно шуршал кондиционер, она с отчаянием смотрела по сторонам. Из пожарных гидрантов на тротуары стекали струйки воды, полусонные фигуры людей либо жались к стенам домов, либо нетвердыми шагами взбирались по полуразрушенным ступеням лестниц.

Она совершила ошибку, отправившись сюда в «Кадиллаке». Нужно было взять такси. Хотя каждому известно, что никакой таксист не согласится развезать взад и вперед по улицам Гарлема — тем более в такое пекло, когда местные жители, и без того горячие, раздражены еще больше — жарой и бездельем.

Неподалеку она заметила супермаркет и направила машину на стоянку у входа. «Брось ее здесь, — сказала она себе. — Пройдись пешком. В конце концов, на улице полно прохожих, никакая опасность тебе не грозит. А потом, ведь при тебе самая надежная гарантия неприкосновенности — твое лицо. Справки можно будет навести у продавщиц». В любом случае сейчас лучше избавиться от машины, хотя Кэрри и предприняла кое-какие меры предосторожности, поставив «Кадиллак» таким образом, чтобы рассмотреть номер стало невозможно.

Захлопнув дверцу, она прошла внутрь здания. Несмотря на цвет ее кожи, люди вокруг обращали на нее внимание. Слишком поздно Кэрри поняла, что стала чужой для этой толпы. Она не так одевалась, от нее не так пахло. Бриллиантовые заколки в во-

лосах, бриллиантовые серьги, огромный бриллиант в кольце, которое она забыла снять.

Следом за ней устремились два подростка. Она ускорила шаг. За стойкой молоденькая продавщица была всецело поглощена манипуляциями с зубочисткой.

— Не подскажите ли вы мне... — начала Кэрри.

Закончить свой вопрос она не успела. В огромном торговом зале внезапно погасли все огни.

Джино ничуть не беспокоило то, что самолет иногда проваливался в воздушные ямы. Ощущение качки скорее доставляло ему удовольствие. Закрыв глаза, он с легкостью мог представить себе, что стоит на борту катера, который швыряют в стороны волны, или правит грузовичком, несущимся по каменистой равнине. Он никогда не понимал тех, кто испытывал страх перед авиаперелетами.

Через проход от него сидела худощавая блондинка, летевшая без попутчиков. Джино бросил на нее быстрый взгляд: пальцы ее с напряжением стискивали небольшую фляжку, которую женщина то и дело подносила ко рту, делая долгие глотки какого-то, без сомнения, крепкого напитка.

Он успокаивающе улыбнулся:

— Это просто летний дождь, не волнуйтесь. Вы и не почувствуете, как мы сядем.

Рука с фляжкой опустилась. Блондинка среднего возраста, со вкусом одета. В молодости, похоже, весьма хорошенькая. Джино гордился тем, что мог считать себя экспертом во всем, имевшем хоть какое-то отношение к женской внешности, — еще бы, ведь он привык иметь дело только с высшим качеством, со сливками, так сказать: кинозвезды, фотомодели, дамы высшего света. Да, кое-что о женщинах он действительно знал.

— Я... Я абсолютно не переносу эту болтанку, — призналась блондинка. — Я просто ненавижу ее.

— Пересаживайтесь сюда, я буду держать вашу руку, может, вам станет легче, — предложил он.

Мысль о том, что физический контакт принесет ей желанное

облегчение, заставила женщину быстрым движением расстегнуть ремень безопасности. Колебалась она всего одно мгновение.

— Вы уверены? — испытующе спросила она и, не дожидаясь ответа, тут же опустилась в соседнее кресло, пристегнулась, и ее острые, покрытые лаком ногти впились в мякоть его ладони.

Джино не возражал. Черт возьми — может, ей и вправду только это и требуется.

— Наверное, я выгляжу в ваших глазах полной идиоткой, — проговорила его соседка, — но на душе сразу становится гораздо спокойнее, когда можно за кого-нибудь держаться.

— Да, я понимаю, что вы хотите сказать.

Он посмотрел в иллюминатор — внизу раскинулось море огней. Нью-Йорк. Захватывающий вид.

— Ого! — внезапно воскликнул он.

— Что такое? — с тревогой спросила блондинка.

— Так. Ничего, — небрежным тоном ответил Джино.

Ему вовсе не хотелось, чтобы она завелась еще больше. А видит бог — она бы просто с ума сошла, если бы увидела то, что вдруг встало перед его глазами.

Нью-Йорк внизу исчез. Мгновение назад — кипящий океан света, сейчас же — темная бездна. Пустота. Господи! Он знал, что возвращения домой бывают разными, но чтобы такое...

ДЖИНО 1921

— Нужно!

— Почему?

— Ты знаешь почему.

— А ты скажи еще раз.

— Джино, нет. Ты слышишь — нет?

— Но тебе же понравится.

— Нет, нет. О, Джино! О-о!

И так каждый раз. «Нет, Джино. Не делай этого, Джино. Не нужно туда, Джино». И каждый раз все это заканчивалось одним и тем же. Как только рука его находила волшебную кнопку, она прекращала бормотать заклинания, ноги раздвигались, и он без всякого труда вместо пальца вкладывал свой напряженный великолепный член.

Его прозвали Жеребец Джино — и заслуженно, потому что в своем квартале он перетрахал гораздо больше своих подружек, чем любой его сверстник. Не так уж и плохо для пятнадцатилетнего мальчишки.

Джино Сантанджело. Симпатичный паренек. Живет он уже в двенадцатой по счету приемной семье и с нетерпением ожидает момента, когда можно будет свалить и из нее. Он приехал в Нью-Йорк трехлетним, еще в 1909 году. Родители — молодая итальянская пара — прослышали о том, как нетрудно в Америке отыскать свое счастье, и решили рискнуть. Миловидная восемнадцатилетняя Мира и ее муж Паоло — ему только исполнилось двадцать, и он был полон наивного энтузиазма, готовый ко всему, что в состоянии будет предложить ему Америка.

Найти работу оказалось не так-то просто. Мира устроилась на швейную фабрику. Паоло брался за все, что попадалось под руку, нимало не смущаясь тем, что иногда приходилось преступать закон.

Джино не доставлял никаких особых хлопот тем женщинам, что присматривали за ним, пока родители были на работе. Каждый день ровно в половине шестого приходила мать и забирала его домой. Этого момента Джино ждал с самого утра.

Однажды, когда ему уже исполнилось пять, Мира не пришла. Женщина, у которой он в это время находился, все больше и больше раздражалась.

— Ну, где же твоя мамочка, а? А?! — кричала она.

Как будто он мог знать. Едва сдерживая слезы, он терпеливо ждал.

В семь часов появился отец — усталый и исхудавший, с бледным постаревшим лицом.

Женщина была уже просто в ярости.

— Вы должны заплатить мне за это время, слышите? Мальчишке следовало уйти в половине шестого, не позже!

Последовал ожесточенный спор. Выслушав поток оскорблений, отец заплатил-таки деньги. Так в свои пять лет Джино понял, что его отец не из породы победителей.

— А где мама? — спросил он его.

— Не знаю, — пробормотал Паоло, усаживая сына на плечи и направляясь к комнатухе, которая служила им домом. Накормив ребенка, он уложил его в постель.

Царившая в комнате темнота не принесла успокоения. Джино

очень хотелось к мамочке, но он знал, что мужчина не должен плакать. Если он сдержит слезы, то мама обязательно придет. Если нет...

Мира так и не пришла. Исчез и управляющий фабрикой, пожилой уже человек, отец троих дочерей. Когда Джино вошел в возраст, он по очереди, одну за другой, попробовал их, после чего стал трахать их регулярно, пытаясь этим единственным в его представлении образом восстановить справедливость. Однако удовлетворения такая месть не приносила.

С уходом Миры жизнь изменилась. Паоло все более ожесточался, привыкая срывать накапливавшуюся злость на Джино. К семи годам мальчик уже пять раз попадал в больницу, но упрямый характер не позволял ему жаловаться. Он научился прятаться от Паоло, когда видел, что тот вот-вот набросится на него. Поскольку другого ребенка под рукой не оказывалось, Паоло стал поколачивать своих многочисленных подружек. В конце концов это привело Паоло за решетку, а Джино впервые обрел приемных родителей. Очень скоро он понял, что прежняя жизнь с отцом была по сравнению с теперешней просто раем.

Паоло пришел к выводу, что, играя в кошки-мышки с законом, можно получать неплохие деньги, поэтому перестал брезговать даже самыми сомнительными заработками. В тюремной камере он чувствовал себя уже как дома; Джино же все больше времени проводил в чужих семьях.

Когда же Паоло оказывался на свободе, его мало что интересовало так, как женщины. Всех их он звал «сучками».

— Им нужно только одно — перепихнуться, — объяснял он сыну. — Да на другое они и не годятся.

Иногда случалось так, что Джино оказывался невольным свидетелем его любовных утех. Зрелище внушало ему отвращение и в то же время будоражило. В одиннадцать лет Джино решил попробовать сам — со старой проституткой, почти развалиной, которая вырвала у него из пальцев двадцать центов, а потом принялась бормотать какие-то проклятия.

Окруженный с восхищением наблюдавшими за происходящим приятелями Джино слез с нее и пожал плечами.

— А не так уж и плохо, — заявил он. — Теперь не так чешется.

— Давай еще, сынок, — позвала его развалина.

И в одиннадцать лет с мужскими достоинствами у Джино все было в порядке.

В пятнадцать он уже знал все, чему его могла научить улица, — красивый мальчишка и не из болтливых. Герой местной детворы. Время от времени к нему обращались и парни постарше, чтобы поручить какое-нибудь дело. Девушки были от него без ума.

Люди взрослые посматривали на Джино с недоверием: пятнадцатилетний подросток с холодными глазами мужчины. Что-то в его облике, несмотря на постоянную готовность улыбнуться, настораживало и пугало.

Он был не особенно высоким — пяти футов шести дюймов, и это весьма беспокоило его, заставляя без усталости работать над своим телом: бег, бейсбол, приседания, отжимания, подтягивание на перекладине.

Еще ему не нравились собственные волосы — черные и волнистые. Чтобы распрямить их, Джино прибегал к помощи различных кремов и помад. Зато темная, смуглая кожа лица дарила ему неоспоримое преимущество — в отличие от сверстников он избежал прыщей. Собственно говоря, Джино нельзя было назвать красивым: нос слишком велик, губы чересчур мясисты, но какая замечательная у него улыбка, какие чудесные зубы!

Два этих фактора срабатывали безотказно.

У Джино Сантанджело был свой стиль.

— Джино, нет!

— А, оставь, Сьюзи. Дай-ка я положу его рядом, просто рядом. Внутри не буду, клянусь тебе!

— Но, Джино...

— Вот. Я же говорил тебе. Что, плохо?

— М-м, по-моему... Но только не двигайся, пообещай мне, что не будешь двигаться.

— Конечно, не буду. Просто я хочу быть поближе к тебе, вот и все.

Нежными, неторопливыми движениями он начал проникать вглубь.

— Что ты делаешь?! — вскричала Сьюзи.

— Устраиваюсь поудобнее, — объяснил он, кладя руку ей между ног, нащупывая магическую кнопку.

Сьюзи легонько выдохнула. Нашел.

— Тебе хорошо? — заботливо поинтересовался Джино.

— О да, Джино. Да.

Значит, все готово. Нет проблем. Не отрывая пальцев от найденной точки, он принялся ритмично работать бедрами.

Сьюзи не возражала. Он знал, как доставить девушке удовольствие. Волшебную точку его научила находить четвертая по счету приемная мать, тогда ему было всего двенадцать. За этот урок он преисполнился к ней вечной благодарности. Это делало его на голову выше других парней, считавших, что в сексе самое главное — побыстрее засунуть. Джино же знал, что куда важнее сделать так, чтобы женщине самой этого хотелось, чтобы она умоляла об этом. Своим секретом он ни с кем из друзей не делился, и им оставалось лишь испытывать вечную зависть от того успеха, который выпадал на его долю.

Сьюзи возбуждалась все больше, тело ее дрожало, рот жадно хватал воздух. Джино увеличил темп.

Боже, какое наслаждение дарило ему ее лоно!

Боже, хотел бы он посмотреть на девчонку, которая сказала бы «нет».

— О-о, Джино!

Он кончил. Вытащил член, поднялся, надел брюки.

— Не стоило нам этого делать, — грустно проговорила Сьюзи.

Но на щеках ее горел румянец удовольствия, маленькие твердые груди воинственно торчали.

— Почему нет? Тебе же было хорошо, ведь так?

Она негромко рассмеялась в знак согласия.

Джино уже полностью оделся, ему не терпелось выйти из этого пустующего гаража, где было холодно и мрачно.

— Мне нужно встретиться с друзьями, — бросил он ей.

— Я тебя еще увижу?

— Ну, я же все время где-нибудь неподалеку.

Сьюзи направилась в одну сторону, Джино — руки засунуты глубоко в карманы брюк — бодрой походкой в другую.

Приятели уже ждали его — группа потерянной для общества молодежи, ошивающаяся возле полуразрушенного здания, где когда-то располагалась аптека. Среди парней Джино увидел своего лучшего друга Катто. Вместе с отцом тот занимался уборкой помоек, так что ему никогда не удавалось до конца избавиться от присущего этому занятию специфического запаха. «Моей вины

тут нет», — с независимым видом пожимал плечами Катто. Ванны у них в доме не было, а чтобы попасть в баню на Сто девятой улице, требовалось отстоять по крайней мере двухчасовую очередь. Дальше надежды завести себе девушку, у которой была бы своя ванная комната, амбиции Катто не устремлялись.

Его другого приятеля, Кассари, прозвали Розовым Бананом. Высокого роста парень, любивший похвастать своей штукой, действительно напоминавшей крупный розовый банан.

— Засадил? — поинтересовался Банан.

— Нет, меня отшили, — усмехнулся в ответ Джино.

— Трепло, — пробормотал Катто.

Уж они-то хорошо знали, что Джино и дня не может прожить без того, чтобы не потрудиться своим тараном над какой-нибудь девчонкой.

— Так чем же мы займемся вечером? — обратился к ним с вопросом Джино.

Парни заговорили между собой, предлагая то одно, то другое, затем, повернувшись к своему кумиру, выдали обычное:

— Как скажешь.

— Я скажу, что нам нужно развлечься.

Близился вечер пятницы, Джино только что выполнил свой долг и чувствовал себя превосходно. И совершенно неважно, что в кармане у него всего десять центов, что подошвы ботинок протерты до дыр, что люди, у которых он вынужден жить, и вида его не выносят. Ему хотелось развлечений. И он имел на них право, разве нет?

Не спеша они направились в сторону центра, напоминая со стороны сбившихся в стаю крыс. Возглавлял компанию Джино. Он по-хозяйски вышагивал впереди, чуть раскачиваясь при ходьбе из стороны в сторону. Восьмером они заняли всю ширину тротуара, свистом и выкриками привлекая к себе внимание проходящих мимо девушек.

— Эй, красавица, не хочешь познакомиться с моим красавцем?

— Ого, милашка, а ведь меня могут посадить за то, о чем я сейчас *думаю!*

Джинно первым заметил машину: длинное, изящное белое чудо, брошенное на стоянке — он едва верил глазам — с ключами! Потребовалось всего несколько секунд на то, чтобы кое-как забиться в автомобиль, и сидевший, естественно, за рулем Джино

резко снял машину с места. Бросив школу, весь последний месяц он проработал автомехаником и кое в чем уже научился разбираться. Внезапно он понял, что умение править пришло к нему само по себе, и, запнувшись пару раз при переключении скоростей, дорогу до Кони-Айленда он проделал без каких-либо затруднений.

Эспланада оказалась пустынной, со стороны моря дул пронизывающий ледяной ветер. Но это никого не волновало. С воплями и хохотом они бежали вдоль пляжа, швыряя друг в друга песком.

Для патрульного полицейского, терпеливо ожидавшегося возле угнанного автомобиля с револьвером в руке, они представляли собой добычу легкую и бесхитростную.

Так Джино впервые в жизни влип в неприятности с полицией. Поскольку за рулем сидел он — и он с готовностью признал это сразу же, — основная тяжесть ответственности падала именно на его плечи. Ему дали год, который он должен был провести в нью-йоркском приюте для мальчиков, довольно суровом заведении в Бронксе, куда направляли сирот и впервые преступивших закон малолеток.

До этого Джино еще ни разу не приходилось сидеть взаперти. С первых же минут пребывания там он ужаснулся ощущению полной отрезанности от мира. Заправлявшие воспитательным процессом монахи были лишены всяких сантиментов. Дневная деятельность полностью подчинена строжайшей дисциплине, зато по ночам некоторые из братьев готовы были стать с мальчиками нежными и ласковыми. Джино испытывал отвращение. Выбора у его товарищей никакого не было.

Работу, на какую его определили в портняжной мастерской, он ненавидел. Командовал в мастерской брат Филипп, не расстававшийся с тонким стальным прутом, и горе мальчишке, если тот отлынивал от порученного дела. Когда очередь подвергнуться наказанию дошла до Джино, брат Филипп предложил ему недвусмысленный выбор. Джино плюнул ему в лицо. С этого момента он подвергался порке не реже чем раз в три дня.

Джино провел в приюте уже полгода, когда в один из дней прибыл новенький — щуплый маленький мальчик, которому не исполнилось еще и тринадцати, сирота. Коста — так его звали — показался брату Филиппу настолько лакомым кусочком, что он решил не тратить времени даром. Мальчишка отверг его домога-

тельства, но кончилось дело для него плохо. Стоя в стороне, товарищи смотрели во все глаза, как их наставник поволок упирающегося Косту в кладовку, где начал вытворять с ним такое, от чего из-за двери слышались недетские крики. Джино стоял, как и все, не в силах что-либо сделать. Прошло полтора месяца. Коста угасал у них на глазах. Слабый и худенький еще в день своего прибытия, теперь он превратился просто в тень. Джино старался не замечать этого. Выжить в тех условиях значило думать в первую очередь о себе.

Однако, когда Джино в следующий раз увидел, что брат Филипп вновь подступает к мальчишке, он почувствовал, как мышцы его напряглись. Коста пытался сопротивляться, но монах затащил-таки его в кладовую и захлопнул за собою дверь, из-за которой через мгновение донеслись стоны и вопли.

Больше терпеть Джино не смог. Схватив лежавшие на столе ножницы, он направился к двери. Раскрыл ее рывком. Коста лежал на столе — ноги со спущенными брюками и трусами свисали вниз, на его тощую задницу всем телом навалился брат Филипп. Полностью отдавшись наслаждению, этот подонок даже головы не повернул на открывшуюся дверь. Конвульсивно дернувшись, он вошел в мальчишку. От нечеловеческой боли Коста закричал.

Не отдавая себе отчета в том, что он делает, Джино бросился на монаха, вонзив ножницы ему в руку.

— Отпусти его, ты, вонючее дерьмо! Оставь его в покое!

Брат Филипп, готовый вот-вот кончить, пораженный дерзостью нападавшего, попытался оттолкнуть Джино от себя. Это было ошибкой. Джино уже не владел собой. Вместо монаха он вдруг увидел перед собой родного отца, глаза застилала какая-то темная пелена. В этот момент он ненавидел отца за все: за уход матери, за побои, за чужие семьи, в которых ему приходилось жить, за их отвратительные однокомнатные квартирки, заменившие ему дом.

С жутким воплем он поднял и опустил ножницы. Поднял и опустил. Поднял и опустил. Он продолжал наносить удары до тех пор, пока грузное тело негодяя не свалилось к его ногам. Только тогда пелена с глаз спала, и он вновь обрел возможность ясно видеть. И в том, что он перед собой увидел, не было ничего хорошего.

Кэри
1913—1926

Стояло долгое жаркое филадельфийское лето. Льюрин Джонс сидела на кровати, которую она делила со своим шестилетним братишкой Лероем, и по ее красивому темнокожему личику катились слезы. Ей было тринадцать, и она находилась на седьмом месяце беременности. Никто, кроме нее, об этом не знал, и обратиться ей было не к кому. Отца у нее не было, денег тоже, а ее мать, Элла, высохшая, превратившаяся в старуху женщина, подкладывала свою дочь под каждого желающего, требуя с него в качестве платы наркотики.

Лерой захныкал, и она вновь опустилась на кровать. Но сон никак не приходил. С нижнего этажа доносились громкая музыка — опять к матери пришел очередной «друг». Через мгновение снизу послышался какой-то шум, а за ним — вздохи и стоны. Сдавленные вскрики, звуки ударов по телу.

Зажав одеялом уши, девочка плотно смежила веки. Прошло немало времени, прежде чем она смогла заснуть.

Ее мучили кошмары... ей казалось, что она задыхается, ей хотелось кричать... она *слышала* собственный крик.

Внезапно глаза ее раскрылись. *Крик* действительно был.

Выскочив из постели и бросившись к двери, она почувствовала запах дыма еще до того, как успела раскрыть ее, и он клубами стал наполнять комнату.

Льюрин закашлялась, но все же заставила себя сделать шаг через порог. Ей тут же стало ясно, что дом охвачен огнем. Пламя подбиралось к верхним ступеням лестницы, от слышавшихся снизу криков в жилах стыла кровь.

Как ни странно, в панику она не впала. И хотя по щекам ее текли слезы, она совершенно точно знала, что должна делать.

Она вернулась в спальню, закрыла за собой дверь, распахнула окно и что есть сил закричала проходившим по улице людям, призывая их подойти поближе и поймать на руки ее братика. Вытащив Лероя из кровати, она перевалила его через подоконник.

В тот момент, когда она сама выпрыгивала из окна, спальня за ее спиной уже вся была объята пламенем. Приземлилась она неудачно, внутри у нее что-то хрустнуло. Лужа крови под ней мгновенно натекла такая, что санитар из подъехавшей «Скорой» только беззвучно пробормотал:

— Боже, спаси ее... О боже, прошу тебя, спаси ее!

В больницу ее привезли уже мертвую.

Санитар успел сообщить молодому врачу, что она была беременна, и ординатор, полный энтузиазма недавний выпускник колледжа, вооружившись стетоскопом, услышал биение сердца еще не родившегося ребенка. Едва слышное, слабое. Бросившись к хирургу, он убедил его сделать погибшей кесарево сечение. Не прошло и часа, как Кэрри появилась на свет.

Шансов выжить у нее было немного. Совсем крошечная, она едва дышала, и врач, давший ей возможность родиться, заявил, что девочка вряд ли протянет больше двадцати четырех часов.

Но Кэрри, это имя ей дали сиделки, оказалась упрямой. Не погибнув при падении матери, смягченном, как подушкой, околоплодными водами, принявшими на себя основной удар, она явно собиралась надолго пережить свое преждевременное появление в этот мир.

Шла неделя за неделей, а она все поражала окружающих своей неистребимой волей к жизни. Недели складывались в месяцы, девочка набирала вес, превращаясь в обыкновенного крепенького младенца, росшего, по сути, настолько здоровым, что забота врачей становилась совершенно излишней. Проблема заключалась лишь в одном — кому она нужна?

Родственников в этом мире у нее мало: бабушка — Элла, которую в полубеспамятном от наркотиков и выпивки состоянии вытащили-таки из горящего дома, и дядя — шестилетний Лерой.

Перспектива кормить еще один рот Элле пришлось не по вкусу. Приглашенная в больницу, она разразилась потоком громкой брани, уверяя персонал в том, что к ней девочка не имеет ни малейшего отношения. Мысль о том, что малютка, над которой они ночей не спали, попадет в руки подобной, с позволения сказать, женщины, привела сиделок в ужас. Одна из них — Сонни, мать троих детей, — заявила, что заберет девочку себе.

Элла ответила немедленным согласием, и с этого дня Кэрри росла в семье Сонни, которой и в голову не приходило рассказать своей новой дочери о том, при каких трагических обстоятельствах сделала она свой первый вдох. Относилась она к Кэрри точно так же, как к своим родным детям. Семья не была богатой, но то, чего не могли принести в дом деньги, восполнялось любовью. Очень скоро Кэрри стала своей для всех.

В тот день, когда ей исполнилось тринадцать, вновь в ее жиз-

ни появилась Элла, с легкостью разрушив тот светлый мир, в котором жила Кэрри.

Кем была эта странная, невеста откуда взявшаяся опустившаяся в нужде женщина с ввалившимися глазами и начавшими редеть волосами? После уничтожившего дом пожара дела у Эллы не пошли лучше. Проститутка с уродливым телом и обезображенным лицом — кому она нужна? Какое-то время она еще умудрялась держаться на плаву, но уже очень скоро ей пришлось заняться мелким воровством, чтобы раздобыть хоть какие-то деньги на наркотики. Настоящим спасением какое-то время был Лерой. Он рос здоровым и сильным, поэтому однажды Элла забрала его из школы и заставила работать на себя. К двенадцати годам он научился содержать и ее и себя. Элла целыми днями валялась в трансе в единственной комнате крошечной квартирки, которую они снимали, а Лерой добывал где-то деньги. Так продолжалось до его восемнадцатилетия, после которого он взял и просто исчез. Элла осталась совершенно одна — немощная, больная женщина без единого цента.

Вот тогда-то, впервые за прошедшие годы, она и вспомнила о своей внучке — как ее там? Кэйри? Кэрри? Да, Кэрри. Если Лерой мог на нее работать, то неужели дочка Льюрин не сможет? В конце концов, ведь они все же родственники, разве нет?

И Элла отправилась на поиски.

В Нью-Йорк они прибыли в конце лета 1926 года — тринадцатилетняя девочка и ее бабка. Элла решила, что здесь можно заработать побольше, а потом — черт побери! — ей хотелось пожить в по-настоящему крупном городе, где вокруг столько интересного.

Жизнь в Нью-Йорке началась с отвратительной комнатки и с работы на кухне какого-то ресторана — Кэрри мыла там полы. Выглядела она гораздо взрослее своего возраста: высокая, стройная, с пышной грудью, блестящими черными волосами и ясными глазами.

Согнутая в подкову приступами кашля, Элла была уверена в том, что у Кэрри отличные перспективы, и мытье полов в них никак не вписывается. Нужно только выждать, нужно запастись

терпением. Девчонка оказалась трудной... временами даже злой. Казалось бы, ей следовало быть благодарной бабушке за то, что она все-таки разыскала ее. Но нет! Каких трудов стоило вырвать ее из цепких рук той семейки, что решила приглядывать за ней. Они даже полицию вызвали, но Элла быстро утвердилась в своих правах. Кэрри должна пойти с ней. Боже праведный, она как-никак приходится девочке бабушкой, единственным кровным родственником, и этот факт не изменишь никакими доводами в мире.

— Сколько тебе лет? — требовательно спросил шеф-повар, низенький толстяк.

Кэрри, на коленках скоблившая грязный кухонный пол, в тревоге подняла на него глаза.

— Клянусь своей задницей, тебе еще нет шестнадцати. — Он хмыкнул.

Это повторялось изо дня в день. Она уже не менее двадцати раз сказала ему, что ей шестнадцать, но он так и не поверил.

— Ну? — Он плотоядно облизал губы. — Что же мы будем делать?

— Что? — равнодушно переспросила она.

— Что мы будем делать? Когда управляющий узнает, что ты еще совсем девчонка, он вышвырнет твою пухлую черную попку отсюда так быстро, что даже опытная шлюха не успеет за это время взять в рот.

Кэрри не отрывала больше взгляда от пола. Может, он уйдет, если не обращать на него внимания?

— Эй, чернушка, я ведь с тобой разговариваю. — Он склонился над ней. — Я не собираюсь никому ничего говорить — то есть, конечно, если ты будешь поласковее со мною.

Прежде чем она успела двинуться, его жирная лапа скользнула ей под юбочку.

Кэрри тут же вскочила, сбив при этом ведро, полное мыльной воды.

— Не смейте ко мне прикасаться!

Он попятился от нее, лоснящееся лицо его покраснело.

В этот момент вошел управляющий, тощий человек, представлявший собой полное ничтожество. Цветных он ненавидел.

Холодными безжизненными глазами управляющий смотрел на растекшуюся по полу воду.

— Убери все это, — сказал он Кэрри, глядя при этом в стену за ее спиной, сама она для него не существовала. — А потом уберайся отсюда к черту и не вздумай приходить еще раз.

Толстяк шеф-повар исследовал на кончике мизинца содержимое левой ушной раковины.

— Глупенькая, — проговорил он. — Я бы не стал делать тебе больно.

Она медленно собирала тряпкой воду, не в состоянии поверить тому, во что превратилась ее жизнь. Ей хотелось плакать, но слез не было. Когда женщина, называвшая себя ее бабушкой, пришла, чтобы забрать ее, она плакала столько, что пролитых слез, казалось, хватило бы на долгие годы. А потом был Нью-Йорк — и вместо школы она должна была уродовать свои руки мытьем полов.

— Тебя испортили, — сказала ей бабушка Элла. — Но ничего, моя девочка, я это поправлю. Ты меня слушаешь? Твоя мать все время трудилась. Она наводила порядок в доме, ухаживала за своим братом и наслаждалась этим.

Кэрри ненавидела это. Она ненавидела свою бабушку, ненавидела Нью-Йорк, свою работу. Ей хотелось домой, в Филадельфию, к людям, которых она считала своей настоящей семьей.

И вот теперь ее выгнали с работы. Бабушка Элла разразится руганью; больше Кэрри не придется утаивать цент-другой, которые время от времени она подбирала с пола. Нет, это было просто нечестно.

Убравшись в кухне, Кэрри вышла из ресторана и в задумчивости остановилась на тротуаре, размышляя над тем, что ей делать. Может, попробовать подыскать себе самой что-то, пока бабушка не узнала, что ее выгнали?

Приближалась зима. На улице стало холодно, а пальто у нее не было. Озябшая, она шла вдоль стен домов, мимо витрин дешевых забегаловок, с голодной жадностью вдыхая запах горячих сосисок. Это было все, что она могла себе позволить, тем более что чернокожей и не разрешили бы сесть за столик.

В Нью-Йорке Кэрри поняла, что значит быть черной. Здесь она впервые услышала слово «ниггер» и научилась пропускать мимо ушей все те гадости, которые окружающие отпускали по поводу цвета ее кожи. В Филадельфии меньшинством были бе-